

Тётушка Ван Эр, услышав слухи снаружи, сначала немного рассердилась, но, увидев, как бледно выглядит Сунь Янь, она сразу смягчилась.

Тётушка Ван Эр сделала шаг вперёд, подошла к Сунь Янь и с заботой спросила: “Сунь Янь, может, у тебя есть какая-то причина, почему ты поступила так? Или это не ты сделала, тебя кто-то оклеветал?”

Сунь Янь сжала кулаки, слушая, как тётушка Ван Эр пытается найти для неё оправдание, но не ответила ни словом.

Тётушка Ван Эр продолжила, глядя на неё: “Не бойся, если ты скажешь, я обязательно помогу тебе вернуть справедливость. Мы не из богатой семьи, но не можем позволить, чтобы нас так унижали”.

Сунь Янь подняла взгляд на тётушку Ван Эр, полную возмущения, и, чуть пошевелив губами, наконец с трудом произнесла несколько слов: “Мама, это не так, я сделала все эти вещи, они не оклеветали меня”.

Услышав такие спокойные слова от Сунь Янь, тётушка Ван Эр, похоже, не ожидала такого поворота событий, и стояла, не в силах поверить, глядя на неё с выражением полного недоумения в глазах.

“Ты... почему ты так поступила?”

Когда разговор снова вернулся к первоначальной теме, Сунь Янь снова закрыла рот и молчала.

Тётушка Ван Эр теперь действительно была в панике, она схватила Сунь Янь за плечи и, тревожно глядя на неё, сказала: “Сунь Янь, ну скажи хоть что-то! Что вообще происходит? Если ты молчишь, твоя репутация будет испорчена!”

Сунь Янь, услышав её, сжала кулаки ещё сильнее.

Как ей объяснить? Сказать, что она хотела денег на лечение для Дина, или что её заставили или подкупили?

Эти слова она просто не могла произнести!

Тётушка Ван Эр, видя, что не сможет заставить невестку открыться, почувствовала, как её сердце сжимается от боли. Почему всё так изменилось? Хотя их семья не была богатой, её сын был умным и талантливым, а невестка — заботливой.

Жили вполне хорошо, и тётушка Ван Эр никак не могла понять, почему их семья вдруг стала

объектом насмешек и осуждения.

Она постояла немного, всё ещё переживая, и снова с трудом сказала: “Сунь Янь, если ты действительно ошиблась, и не хочешь рассказывать причины, я не буду настаивать. Но ты должна извиниться перед Линь-гэ. Это я порекомендовала тебя, чтобы ты помогала у него, и именно из-за этого у тебя возникли неразумные мысли. Если ты не извиняешься, я не смогу объясниться с Линь-гэ”.

Эти слова тётушки Ван Эр были сказаны искренне, но Сунь Янь осталась неподвижной. Когда она услышала, что ей предлагают извиниться перед Линь Сяоцзю, её взгляд стал резким, и она решительно отказалась.

“Нет, я не пойду. Он уже наказал меня, я приняла наказание, зачем мне извиняться?”

Тётушка Ван Эр в первый раз увидела в глазах своей невестки прямое отвержение, и, поражённая её холодной манерой, не могла поверить, что эти слова исходят от Сунь Янь.

“Сунь Янь..., как ты могла так подумать? Если ты сделала ошибку, нужно извиниться”.

Сунь Янь подняла глаза на свою свекровь, впервые взглянув на неё с вызовом, и невозмутимо ответила: “Но ты так думаешь, а вот Линь Сяоцзю, возможно, совсем не так. Он теперь владеет таким большим магазином и у него есть муж, который является чиновником, как он будет смотреть на нас, простых людей? Даже если я извинюсь, он, вероятно, не захочет принять извинения. Так зачем мне идти и унижаться?”

Тётушка Ван Эр снова была потрясена словами Сунь Янь. Она смотрела на свою, казавшуюся такой мягкой, невестку и впервые не знала, что ей сказать.

В этот момент в комнату вошел Ван Ху, решительным шагом подошёл к Сунь Янь и, смотря на неё сверху вниз, стал упрекать: “Сунь Янь, ты сделала ошибку, как ты можешь так спокойно на это смотреть?”

Сунь Янь, заметив, что её муж, видимо, подслушал разговор, молча смотрела на него, не проронив ни слова.

Ван Ху, увидев её молчание, ещё больше разозлился. Он был вспыльчивым человеком и не мог терпеть, когда в его доме происходили такие вещи. Он никогда не переносил даже мелких воришек, а теперь обнаружил, что его жена совершила такую ошибку, и это было для него неприемлемо.

Он схватил Сунь Янь за руку и, пытаясь вытащить её, продолжал: “Нет, ты должна пойти со мной и извиниться. Если не извиняешься, как я буду смотреться перед господином Шэнь? Он сейчас на хорошем счету у судьи, мы все должны его слушать, а ты что мне скажешь? Ты хоть

подумала, что делаешь, прежде чем что-то делать?”

Эти слова Ван Ху, похоже, вызвали у Сунь Янь настоящую бурю эмоций. Она остановилась, больше не пытаясь вырваться, подняла голову, встретив взгляд мужа, и, холодно произнеся, с болью в голосе сказала: “Хочешь узнать, почему я сделала это? Хорошо, скажу тебе — я сделала это ради денег. Мне нужны деньги, я хочу деньги, чтобы лечить ребенка!”

Ван Ху, услышав её резкие слова, на мгновение остановился, затем повернулся и с раздражением спросил: “Что ты говоришь?”

Теперь, когда всё стало ясно, Сунь Янь не боялась того, как её будут воспринимать. В её глазах горел огонь, она пристально смотрела на мужа, в её голосе звучала полная обида.

“Если бы ты умел зарабатывать достаточно денег для лечения ребенка, мне бы не пришлось делать эти вещи. Теперь посмотри, что случилось с моей репутацией! Ты сам ничего не можешь, а потом еще хочешь, чтобы я жертвовала своей репутацией ради твоей. У тебя совесть есть?”

В этот момент раздался резкий звук — “Пах!”

Лицо Сунь Янь было повёрнуто в сторону от удара, и место, куда она получила удар, сразу покраснело и опухло. Когда она снова подняла взгляд на Ван Ху, в её глазах появилось больше гнева.

“Только неумелые мужчины думают, что, ударив женщину, они могут показать свою значимость. Я завидую Линь Сяоцзю, что он живёт хорошо, что вышел замуж за хорошего человека, а я из-за того, что вышла замуж за тебя, оказалась в таком положении”.

Сказав это, Сунь Янь больше не смотрела на Ван Ху и просто вышла из дома Ван.

Когда её фигура исчезла за воротами, тётушка Ван Эр, ударяя себя по бедрам, громко воскликнула: “Что за беда! Мы ведь все жили нормально! Как всё могло так измениться?!”

Ван Ху, глядя на свою руку, которой только что ударил Сунь Янь, был полон раскаяния. Он повернулся к тётушке Ван Эр и тихо сказал: “Мама, ты иди с ребенком спать, я пойду за Сунь Янь. Она не должна оставаться одна так поздно, это небезопасно”.

Тётушка Ван Эр, увидев страдания сына, только тяжело вздохнула и снова хлопнула себя по бедру: “Что мы наделали!”

□□#

На следующее утро, когда Линь Сяоцзю проснулся, он сразу заметил, что Шэнь Лянь спит рядом с ним.

Глядя на мирное лицо Шэнь Ляня, Линь Сяоцзю слегка покраснел. Вчера они с Шэнь Лянем немного углубили своё общение, но до последнего шага не дошли, хотя и этого было достаточно, чтобы он чувствовал себя комфортно.

Когда он продолжал смотреть на спящего Шэнь Ляня, его всё ещё немного смущало происходящее. Но, немного смутившись, он всё же наклонился и поцеловал его в закрытые глаза.

Как только Линь Сяоцзю собирался отойти, его внезапно обняли. Он опустил глаза и увидел, что Шэнь Лянь уже проснулся, неясно когда.

Шэнь Лянь, с лёгкой хрипотцой от утреннего сна, сказал: “Поцеловал и убежал, разве это не слишком безответственно?”

Линь Сяоцзю покраснел ещё сильнее, не зная, что ответить. Он тихо пробормотал: “Ну... я подумал, что ты ещё спишь, поэтому не хотел тебя будить”.

“Так ты что, решил, что всё, что произошло, не имеет значения?” — с нотками насмешки спросил Шэнь Лянь, наблюдая, как сильно смущён Линь Сяоцзю. Он не смог сдержаться и, наклонившись, нежно поцеловал его в губы.

“С утра быть таким бодрым не очень полезно”.

Эти близкие моменты уже стали привычными для Линь Сяоцзю, и когда Шэнь Лянь поцеловал его, он не стал сопротивляться. Напротив, он послушно ответил на его поцелуй.

Когда они немного успокоились, и солнце уже поднялось высоко, они наконец встали с постели.

За завтраком, увидев, как Шэнь Лянь снова оделся, Линь Сяоцзю не мог не покраснеть.

Шэнь Лянь, заметив это, протянул руку и похлопал его по щеке, с улыбкой спросив: “Ты такой смущённый. А что ты будешь делать, если мы когда-нибудь окажемся в спальне?”

Линь Сяоцзю смутился и, глядя на Шэнь Ляня, который снова стал серьёзным, хлопнул его по руке, убирая её с лица. Он тихо сказал: “Ты тоже не особо вёл себя прилично вчера”.

Он уже начал сомневаться, не остались ли синяки на его теле, иначе почему он чувствует боль? Если это повторится, он не позволит Шэнь Ляню так себя вести.

Шэнь Лянь, видя его смущение и лёгкое недовольство, не мог не улыбнуться. В его взгляде было много мягкости и заботы.

“Да, это моя вина”.

Шэнь Лянь так прямо признал свою ошибку, что Линь Сяоцзю не знал, как продолжить разговор, и решил сменить тему.

“Кстати, я подумываю через некоторое время найти подходящее помещение и начать продавать вещи в своём магазине по отдельности”.

Линь Сяоцзю немного подумал и рассказал о своих планах. Его магазин всё ещё работал, но из-за ограниченного пространства это становилось всё труднее. Когда покупателей стало больше, а товары стали более разнообразными, собирать всё в одном месте стало неудобно. Разделение на несколько частей могло бы помочь каждому бизнесу развиваться.

Шэнь Лянь выслушал и кивнул, не возражая: “Мне нравится твоя идея. Я буду присматривать за подходящими помещениями и сообщу тебе, если найду что-то подходящее”.

Когда Линь Сяоцзю услышал это, он не знал почему, но вдруг почувствовал радость. Он положил жареную булочку в тарелку Шэнь Ляня и с улыбкой сказал: “Ешь”.

Шэнь Лянь с готовностью съел булочку, но вдруг вспомнил что-то и, посмотрев на Линь Сяоцзю, сказал: “Кстати, я буду занят в ближайшие дни, возможно, не смогу вернуться на ужин. Если ты не хочешь меня ждать, можешь не ждать”.

Линь Сяоцзю, услышав это, кивнул в знак согласия, но потом, вдруг вспомнив что-то важное, задал вопрос, который его беспокоил: “У тебя достаточно денег?”

Шэнь Лянь посмотрел на него мягким взглядом и ответил с улыбкой: “Да, достаточно”.

<http://bllate.org/book/15132/1337425>